

ФЕНОМЕН ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

© 1994 г., ЭО, № 2

А. Г. О с и п о в

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ
НА САМОСОЗНАНИЕ И АКТИВНОСТЬ
МЕНЬШИНСТВ
(на примере месхетинских турок)

Круг понятий, включающих в себя слово «меньшинство», разрабатывался и первоначально вводился в употребление в странах с демократической формой правления. В этих понятиях и в соответствующем инструментарии находит продолжение логика институтов представительной демократии. В основе последних — принцип принятия решений по воле большинства. Для поддержания стабильности системы необходимо ее признание со стороны меньшинства. Поскольку меньшинство имеет ограниченные возможности для отстаивания своих интересов в представительных институтах, необходимы специальные гарантии, позволяющие меньшинству избежать игнорирования своих запросов и подавления со стороны большинства.

В Восточной Европе и в бывшем СССР — иной идеологический контекст и иная логика восприятия «проблемы меньшинств». В этом регионе и в ряде других обществ одной из идеологических доминант выступает этнический национализм. «Меньшинству» логически противопоставляется не арифметическое большинство, а «титульная» этническая общность. Последняя рассматривается как субъект государственности (автономии), государственность же (автономия) — как форма организации «титульной» группы. Идеология «национальной государственности» в подобном толковании содержит, как минимум, косвенное признание нелегитимности нахождения в составе населения «национального государства» лиц и групп, не относящихся к «титульной» общности. Из этого вытекает косвенное указание на возможность «нейтрализации» «нетитульных» групп или целенаправленного ограничения их социальных возможностей. На практике подобные идеи нередко провозглашаются «открытым текстом» и воплощаются в конкретных механизмах и мероприятиях, вплоть до «этнических чисток».

Идеи «национальной государственности» (и в более широком смысле — политической и правовой субъектности этнических групп как таковых) стали неотъемлемой частью политической традиции и общественного сознания в советском обществе. Они закрепились в политических доктринах, массовом сознании, обществоведческих теориях, косвенно — в законодательстве. Люди, прежде всего те, кто не относятся к «титульному» населению, ставят перед собой необходимость приспособливаться — социально и психологически — к подобной информационно-идеологической среде и к политике, проводимой под воздействием и в русле подобных идей.

Важная теоретическая и прикладная задача — оценка места и роли пресловутого «этнического фактора», а также выявление реального содержания этого понятия; другая проблема — анализ того, как идеология (в частности, этнонационалистическая) влияет на восприятие людьми социальной действительности и на их поведение, в более широком масштабе — на самосознание и мировосприятие. На наш взгляд, в обществе с развитой и укоренившейся этно-

националистической идеологией вышеизложенное представляет собой не две самостоятельные задачи, а две формулировки одной проблемы.

Ниже речь пойдет об одном из самых ярких примеров влияния идеологии на самосознание и активность представителей малой этнической группы. По итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г., в СССР жило 207,5 тыс. турок¹; из них приблизительно 95% составляли выходцы из Ахалцихского региона — 5 южных административных районов Грузии. Представители этой группы в настоящее время именуются в печати месхетинскими турками. В 1944 г. они были депортированы в Среднюю Азию и Казахстан. В настоящее время — дисперсно расселены в нескольких государствах — Казахстане, Азербайджане, России, Кыргызстане, Узбекистане, на Украине. С этой группой связано несколько острых социальных и политических проблем; главная из них состоит в том, что подавляющее большинство турок хотело бы вернуться в те места, откуда они были высланы, но лишено такой возможности. С конца 80-х годов до настоящего времени главным препятствием для возвращения служит позиция, занятая властями и политически активной общественностью Грузии.

Противодействие возвращению турок — одно из частных проявлений безусловно господствующей в Грузии идеологии этнонационализма, или лозунгов «поддержания этнической чистоты» и «защиты от демографической агрессии». В грузинской историографии ахалцихские турки традиционно считаются потомками грузин, обращенных в ислам и тюркизированных в тот период, когда Южная Грузия входила в состав Османской империи (начало XVII в. — 1829 г.). Если судить по письменным источникам, то эта точка зрения в значительной степени соответствует действительности; по всей вероятности, основной составляющей процесса формирования этой группы действительно была ассимиляция грузинского населения. В Грузии распространены два варианта отношения к проблеме возвращения месхетинцев, оба лежат в русле идеи «грузинской этнической государственности». Первый — категорическое отрицание возможности поселения в Грузии турок, второй — признание необходимости возвращения «грузин-мусульман». В последнем случае обычно оговаривается предварительное условие — «возвращение к корням», приобщение к языку и культуре Грузии, или ассимиляция. Первая позиция была характерна для большинства политических организаций в период 1989—1991 гг., фактически ее придерживалось официальное руководство во главе со З. Гамсахурдиа. На второй стояла диссидентствующая интеллигенция Грузии в доперестроечный период, ее использовали самостоятельные организации, появившиеся в 1987—1988 гг., и использует новый режим, сформировавшийся после свержения З. Гамсахурдиа в январе 1992 г. По существу две позиции не являются взаимоисключающими; на практике при переходе от одной к другой происходит лишь смещение акцентов.

Каково самосознание самих турок? В XIX в. подавляющее большинство тюркоязычного мусульманского населения региона составляли предки современных месхетинских турок, небольшую часть — около 15% — полукочевники карапахи, по языку и культуре близкие к азербайджанцам. Первые говорили и продолжают говорить на одном из диалектов турецкого языка, их культура в целом аналогична культуре турок Восточной Анатолии.

По имеющимся сведениям, самосознание группы в XIX — начале XX в. не отличалось четкостью. Преобладало и выступало в качестве наиболее актуального самосознание конфессиональное и локальное — люди называли себя «мусульманами» и «местными жителями» (соответственно по-турецки — «мюсюман» и «йерли») ². Этническое в современном понимании самосознание было нечетким и ситуативным. По свидетельствам наблюдателей, представители группы могли называть себя «татарами», «турками», «аджарцами», «грузинами», «обращенными (в ислам) грузинами» и т. д. ³ Эта нечеткость косвенно подтверждается и официальными статистическими материалами. Мусульманское население Ахалцихского региона фиксировалось в документах в качестве «грузин-суннитов» и «татар», численное соотношение в разных источниках оказывается

различным с большим разбросом. Отношение первой категории ко второй в одной публикации 1870 г. составило 5,5 к 1⁴, в 1880 — 0,79 к 1, в 1897 — 1,28 к 1, 1916 — 1,74 к 1. Подобные расхождения вряд ли могут быть объяснены только несовершенством переписных процедур.

Описанная ситуация характерна в целом для доиндустриальных обществ, особенно тех, где исповедуется ислам. До развития системы массовых коммуникаций и до распространения идеологии «национальной государственности» самоопределение людей по отношению к таким абстракциям, как «нация», «этнос», не является для них актуальным, отсутствует и идея исключительной лояльности человека по отношению к «нации» — отсюда следует нечеткость и ситуативность групповой самоидентификации. Можно также отметить, что во многом аналогичная ситуация в то время прослеживалась и в самой Турции. Формирование «национального самосознания» в массах происходило уже после установления республики — в 20—30-х годах⁵.

В период существования независимой Грузинской республики, в 1919—1921 гг., ее власти проводили в Ахалцихском регионе политику «картвелизации» мусульманского населения. После советизации Грузии до 1926 г. власти также заявляли о том, что в Месхети живут «грузины-мусульмане». С 1926 г. подавляющее большинство мусульман уже фиксировалось в качестве «тюрок»⁶, каковое наименование в то время служило синонимом «азербайджанцев». Новый этноним — «азербайджанцы» — начал внедряться с середины 30-х годов. Общая культурно-языковая политика с середины 20-х годов была направлена на азербайджанизацию мусульманского населения. Наконец, в 1938—1939 гг. произошел новый поворот — возобновилась политика «картвелизации»⁷.

В 1944 г. Постановление Государственного Комитета Обороны № 6279сс предписывало провести выселение из Южной Грузии турок (вместе с курдами и хемшинами)⁸; но в то же время приблизительно 1/3 спецпереселенцев в материалах спецкомендатур регистрировалась как лица иных национальностей⁹, главным образом азербайджанцы. После отмены режима спецпоселений в 1956 г. большинство получило паспорта, в которых была проставлена национальность «азербайджанец», меньшая часть была записана турками. До настоящего времени паспортная национальность приблизительно 2/3 месхетинцев — «азербайджанец».

По косвенным признакам можно судить, что, во-первых, повороты в официальной «национальной политике» по отношению к рассматриваемой группе в целом воспринимались ее представителями достаточно толерантно; во-вторых, в последние десятилетия решающую роль в осознании членами группы своей идентичности сыграли депортация, пребывание в положении «репрессированного» народа и стремление к возвращению на родину.

В настоящее время подавляющее большинство представителей группы осознает себя турками, небольшая часть заявляет о себе как о «грузинах-мусульманах». Тем не менее групповое самосознание в широком смысле — восприятие членами группы себя в стране и в мире — остается нечетким. В зачаточном состоянии находится историческая мифология, составляющая один из основных компонентов образа «своих». В 60—80-е годы в движении за возвращение в родные места прослеживаются два направления. Одна группировка (возглавлявшаяся Х. Умеровым-Гозалишвили и Л. Бараташвили) выступала за возвращение в Грузию в качестве «грузин-мусульман», другая (так называемый Временный организационный комитет освобождения — ВОКО, во главе с А. Одабашевым) — за репатриацию в качестве «турок». Движение ограничивалось подачей обращений и отправкой делегаций в партийные и государственные органы. Первоначально, с конца 50-х до 1963 г., действовало единое движение, размежевания на группировки по идеологическому признаку не прослеживалось. Впоследствии, как можно судить по косвенным признакам, оба течения до начала 80-х годов были приблизительно сопоставимы по числу сторонников и по известности; в 80-е годы стала преобладающей «протурецкая ориентация». В конце 70-х годов более

10 тыс. семей направили заявления в адрес Совета Министров Грузии¹⁰ с просьбой о присвоении грузинских фамилий, признании грузинской национальности и возвращении на этом основании в Грузию. Подобные заявления в массовом масштабе писались и в середине 80-х годов.

В настоящее время в среде месхетинцев прослеживаются три идеологические ориентации и три типовых представления об «идентичности» группы. Первая представлена обществом «Спасение», ее сторонники заявляют о себе как о «грузинах-мусульманах», основную же свою задачу видят в том, чтобы убедить соотечественников в их грузинском происхождении и грузинской национальной принадлежности, властям же и общественности Грузии доказать возможность и необходимость переезда «грузин-мусульман» в Грузию. Вторую представляют три региональные группировки — общество «Тюрки» в Казахстане, движение «Османские турки» в Кыргызстане и инициативная группа в Азербайджане. Они выступают за эмиграцию турок в Турцию. Третье течение, наиболее влиятельное и многочисленное, — общество «Ватан», добивающееся возвращения турок в Грузию в качестве турок, без изменения национальности.

Каждая группировка стремится сформировать свою «историко-этнографическую» мифологию, образ «своих». Наиболее разработана мифология у «прогрузинского течения» (общества «Спасение»), она, в частности, опирается на научные труды, главным образом грузинских историков. Определенные попытки доказательства того, что турки являются исконными насельниками Южной Грузии, предпринимали некоторые лидеры общества «Ватан»¹¹. Сторонники же эмиграции в Турцию заявляют о том, что турки в Ахалцихском регионе были пришлым элементом, их выезд за пределы бывшего СССР является не капитуляцией перед обстоятельствами, а закономерным возвращением на историческую родину¹².

Границы между группировками подвижны, численные пропорции между ними постоянно меняются. В настоящее время растет численность и влияние общества «Спасение», а также групп, выступающих за эмиграцию. В общество «Спасение» перешел ряд видных в прошлом деятелей «Ватана». Как показывает полевой материал, позиции лидеров и активистов быстро усваиваются «низам»; настроение турок — жителей региона или населенного пункта зависит от наличия регионального авторитета (активиста) и той позиции, которую он занимает.

Ситуация выглядит исключительной — представители группы с общей культурой и происхождением имеют разную этничность. Между тем можно отметить, что не типично в этой ситуации то обстоятельство, что группа не была практически включена в процесс советского «национального строительства», точнее, национальная политика в отношении группы была крайне непоследовательной. Если для других групп, в том числе тюркских и мусульманских, в советский период была создана «национальная идеология» и сформулирована идея «нации», если «нации» из идеальной псевдореальности были превращены в реальность — созданы нормативные культуры, подготовлена «национальная» интеллигенция, сформированы «национальные» государственные институты, благодаря чему «идея нации» укоренилась в массовом сознании, — месхетинские турки были всего этого лишены. Процесс формирования «национального самосознания, тем более при малочисленности гуманитарной интеллигенции, шел непоследовательно и спонтанно. Но что собой представлял по сути этот процесс?

Несложно увидеть, что три упомянутые «этнические» ориентации в среде турок, несмотря на их радикальное внешнее расхождение, имеют много общего, образно выражаясь, во всех трех случаях игра идет по одним, причем навязанным правилам. Мы наблюдаем три возможные модели реагирования на требования, предъявляемые этнонационалистической идеологией и практикой, или три типовых варианта приспособления к соответствующим обстоятельствам.

Этнонационалистические движения в Грузии и образующиеся на их основе режимы добиваются «этнической чистоты» государства. Две месхетинские группировки принимают эти правила игры и выражают свое согласие с этими

требованиями — одни объявляют о своей принадлежности к «титულной» грузинской нации, другие выражают готовность ехать в «свое» «национальное» государство — в Турцию. Общество «Ватан» играет по тем же правилам, но, условно говоря, с обратным знаком. Хотя его лидеры не добиваются в перспективе каких-либо форм территориальной автономии, они пользуются логикой и понятийным аппаратом других этнических движений. «Ватан» выступает в защиту «прав малого народа» (этнической общности) и от имени этнической общности признает субъектность группы как таковой, следовательно, объективно становится перед необходимостью отстаивания особого защитного статуса для группы.

В отличие от турок, большинство этнических общностей в границах бывшего СССР испытало последовательное воздействие официально направляемого процесса «национального строительства» и имеет устойчивое «национальное самосознание». Если же рассматривать «субъективную идентичность» в широком значении — как осознание людьми места той группы, к которой они себя причисляют в окружающей социальной и политической действительности, то можно обнаружить различные варианты самосознания и поведения. Активные представители групп, которые могут быть отнесены к категории «этнических меньшинств», почти исключительно демонстрируют описанные выше модели общественной деятельности. Их сущность — реакция на государственный этнический национализм, попытка адаптации на психологическом и идеологическом уровне к новым обстоятельствам, возникающим под его воздействием, и поиска новой «базы легитимности».

Первый вариант — эмиграция на свою «этническую родину». Здесь и далее мы не имеем в виду индивидуальную пассивную реакцию на складывающиеся обстоятельства, а рассматриваем политизированные и идеологизированные формы активности. В среде разных этнических групп возникают самостоятельные структуры, занимающиеся агитацией среди соплеменников в пользу выезда. Примеры — ряд сионистских кружков, общество «Миграция» в Таджикистане, Латвийская ассоциация возрождения России (последние две группировки ориентируются на русских).

Вторую модель можно условно назвать «сателлитной». Ее сторонники заявляют о своей лояльности «национальному государству», о готовности признавать свое положение «младшего брата» и «опекаемого имущества», о невмешательстве в политику, которая рассматривается как исключительная область деятельности представителей «доминирующей нации». Подобный образ мышления характерен для активистов «национально-культурных обществ». В практическом плане их представители занимаются пропагандой идей «национального возрождения» собственной группы (стремясь тем самым найти общий язык с «доминирующей нацией») и в ограниченном объеме — культуртрегерством, просветительской деятельностью. Примеры — бывшая русская секция Народного фронта Эстонии, Ассоциация национально-культурных обществ Латвии, общество «Содружество» в Азербайджане, Русская община Таджикистана и пр.

Третий путь — борьба за «защитный» статус для «своей» общности — в форме «национально-территориальной» автономии или особых корпоративных прав. Экстремальные варианты — этнический сепаратизм (Верхний Карабах, Цхинвальский регион Грузии, гагаузское движение на юге Молдовы и т. п.).

Для каждой из форм характерна своя специфическая мифология, но практически в каждом случае основой и отправной точкой идеологических эволюций служит идея «национальной государственности», угрожающая людям «структурным» и психологическим насилием.

Следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев мышление и действия людей не выходят за рамки принципов и понятий, характерных для националистической идеологии; как правило, конкретные примеры сводятся к одной из трех моделей. Формы активности, хоть в какой-то степени опирающиеся на иные принципы, распространения не получили. Не были этническими

движениями Интерфронты — они оказались аморфными образованиями и просуществовали недолго. Группы, выступающие с лозунгами «гражданского согласия» и «гражданского общества», немногочисленны и пока что остаются небольшими кружками диссидентствующей интеллигенции.

Это является очень тревожным симптомом, одним из признаков того, насколько глубоко укоренились в общественном сознании националистические идеи. Как и любые идеи, построенные на признании группы как реального субъекта, а человека как объекта в системе общественных отношений, они представляют собой важный фактор, способствующий развитию конфликтов. Использование «этнической парадигмы», идей, основанных на признании субъектности этнических общностей, в анализе общественных проблем не дает позитивных результатов, но способствует дальнейшему их закреплению в общественном сознании. В этом отношении небыстречны и многие понятия, связанные с термином «меньшинство». Их использование нередко выступает как косвенное признание субъектности «титупьной» нации (поскольку меньшинства рассматриваются как нечто отличное от нее) и идеологии этнонационализма. В дальнейшем целесообразными представляются обновление и совершенствование понятийного аппарата, используемого при анализе этнических проблем, постепенный отказ от подходов, основанных на признании субъектности этнических общностей как таковых.

Примечания

¹ Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 22.

² *Вермишев Х. А.* Экономический быт государственных крестьян в Ахалцихском и Ахалкалакском уездах Тифлисской губернии // *Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края.* Т. 3. Ч. 2. Тифлис, 1886. С. 35—36.

³ *Загурский Л. П.* Отчет о поездке в Ахалцихский уезд в 1872 г. // *Изв. Кавказского Отдела РГО.* Т. 2. 1894. С. 53; *Тр. Тифлисс. губернского статистического комитета.* Вып. 1. 1886. С. III; *Март Н. Я., Март Ю. Н.* Заметки о турецком языке окрестностей Абастумани. М.; Л., 1937. С. 27.

⁴ Сб. материалов для описания Тифлисской губернии. Т. 1. Вып. 1. Тифлис, 1870; Сб. сведений о Кавказе. Т. 9. Тифлис, 1885. С. 140; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 69. Тифлисская губерния. СПб., 1903, С. 90—93; Кавказский календарь на 1917 год. Тифлис, 1916.

⁵ *Еремеев Д. Е.* Этногенез турок. М., 1971. С. 203—211.

⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Отдел 1. Т. 14. Закавказская СФСР. М., 1929. С. 84—91.

⁷ Докладная записка секретаря Ахалцихского райкома КП(б) Грузии Г. В. Кирвалидзе // *Сабчота Самартале.* 1989. № 7. С. 56—65 (на груз. яз.).

⁸ Юридическая газета. № 1, июль 1991.

⁹ Депортации народов СССР (1930—1950-е годы). Ч. 1. М., 1992. С. 210, 338.

¹⁰ Сведения предоставлены автору в Комиссии при Госсовете Грузии по делам депортированного в 1944 г. из Южной Грузии населения, а также председателем Центрального Совета общества «Ватан» Ю. Сарваровым (последний называл иное число — 19 тыс. заявлений).

¹¹ Ватан Ашки. 1992. № 7—8 (Орган движения Ватан).

¹² Полевые материалы автора по Алма-Атинской области Казахстана, июнь 1992 г.

State Ideology Influence on Minority Activism (the Case of the Meskhetian Turks)

The Meskhetian Turks were formed as a group in the borderland of Turkey and Georgia; in 1944 they were deported to the Central Asia. Prior to this event their identity was defined situationally and characterized by fluidity. In the Soviet period there were no consistent official policy of «constructing» national identity towards this group. At present there exist three ideological orientations and forms of group identity within the Meskhetian Turks: they claim to be part of Turks (orientation to Turkey); part of Georgians and a separate people. The analysis shows that the co-existence of several forms of self-identification is determined by the ideology and practice of ethnonation-state building.

A. G. Osipov